

Ю. В. БРОМЛЕЙ, В. В. ПИМЕНОВ, Н. В. ШЛЫГИНА (Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ ФИННО-УГОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ В СССР

1. Изучение этнографии народов — носителей финно-угорских языков, имеет в советской науке давние и прочные традиции. Фундамент исследований в этой области был заложен трудами видных советских ученых — этнографов, фольклористов, лингвистов, археологов и антропологов. В этой связи можно вспомнить имена А. А. Шахматова, Д. К. Зеленина, Д. А. Золотарева.

Позднее в разработку проблем этнографии, в первую очередь этногенеза и этнической истории народов данной языковой группы, внесли существенный вклад С. П. Толстов, В. Н. Чернецов, Н. Н. Чебоксаров, Х. Моора, А. Моора, П. Аристэ, Б. А. Серебренников и другие крупные специалисты. В наше время советские этнографы продолжают работать в этом направлении.

Современный подход к изучению этнографии финно-угорских народов основан на накопленных знаниях об этих народах, их культуре и быте. С этнографической точки зрения финно-угорские народы не представляют собой единства такого же типа, с каким сталкиваются лингвисты, изучающие их языки. Разумеется, у некоторых из них есть отдельные сближающие их культурные элементы, восходящие к ранним этапам их этнической истории. Кроме того, эти народы, жившие в одном регионе и имевшие постоянные контакты, имеют в культуре сходные черты относительно позднего происхождения.

Но все же народы прибалтийско-финской, пермской, волжско-финской и угорской языковых семей в историко-культурном отношении теснее связаны не друг с другом, а с теми народами, в непосредственном окружении которых они жили, вели хозяйство в сходных природных условиях, с которыми находились на одной стадии социально-экономического развития, вступали в постоянные и устойчивые контакты.

Именно поэтому гораздо более плодотворные результаты в изучении этнографии данных народов дает их рассмотрение по регионам.

Финно-угорские народы СССР расселены в четырех различных регионах: эстонцы и ливы в Прибалтийском, саамы, карелы, вепсы, вольга, ижора, а также коми-зыряне и коми-пермяки — на Европейском Севере или в Ладожско-Печорском регионе, марийцы, мордва и удмурты — в Урало-Поволжском, ханты и манси — в Западно-Сибирском. Эти регионы часто представляют собой и определенные этнокультурные или историко-этнографические области, т. е. у населяющих их

народов в ходе истории сложилась — вне связи с их происхождением или типом хозяйства — столь сходная форма культуры, что она составила определенное единство. Классическим примером этого могут служить Прибалтийская и Урало-Поволжская этнографические области, в первой из которых общности в традиционной культуре обнаруживают народы прибалтийско-финской и балтской (или латто-литовской) языковых семей, во второй — культурная близость объединяет волжско-финские и тюркоязычные народы.

Исследования советских специалистов убеждают нас в том, что главные тенденции современного этнокультурного развития финно-угорских народов СССР в общем и целом совпадают с теми тенденциями, которые наблюдаются в границах указанных регионов и историко-культурных областей. Соответственно при изучении современных этнокультурных процессов у финно-угорских народов СССР необходимо дифференцированное рассмотрение этих процессов по регионам или историко-культурным областям.

2. Современные этнокультурные и шире — этнические процессы в целом у народов Прибалтики, Европейского Севера, Урало-Поволжья и Западной Сибири характеризуются высокой интенсивностью и динамизмом протекания, присущими всем народам СССР.

Стремительное развитие в наши дни экономики, в первую очередь индустрии, в республиках и областях расселения народов финно-угорской языковой семьи, влекущее за собой устойчивые миграционные потоки, все большее возрастание уровней общения и взаимодействия народов между собой — все это в большой степени способствует интенсификации этнических процессов.

При этом следует принять во внимание, что в целом этнические процессы в СССР имеют две взаимосвязанные и диалектически противоречивые тенденции. Одна сторона этих процессов — это межэтническая интеграция, т. е. формирование общих черт культуры и быта у народов СССР. Заметим при этом, что культурные, экономические, языковые и иные взаимовлияния народов нашей страны выражены достаточно сильно, их можно видеть, так сказать, «невооруженным глазом». Но рассматриваемые процессы имеют и вторую тенденцию — тенденцию сохранения этнической устойчивости.

В целом современные этнические процессы выглядят как сложная цепь взаимодействующих факторов.

3. Конкретизируя наши положения, обратимся к рассмотрению этих процессов в названных регионах нашей страны. В Урало-Поволжском регионе за годы Советской власти достигнуты огромные успехи в ликвидации экономической и культурной отсталости коренных народов этой этнографической области. Напомним о политических факторах, о той политике национального равноправия, которая проводится в нашей стране с первого дня Октябрьской революции. Создание автономных областей и республик, несомненно, стимулировало формирование как экономического и культурного единства каждого из народов, так и соответствующего единого национального самосознания.

Развитие промышленности в Урало-Поволжье вызвало к жизни новые социальные классы и слои — национальный рабочий класс, национальную интеллигенцию. В составе городского населения сформировались значительные группы горожан, принадлежащих к коренным национальностям. Так, доля коренных национальностей, принадлежащих к финно-угорской языковой семье, составляет от 1/4 до 1/3 в общей численности городского населения соответствующих республик. Напомним, что не только в царское время, но еще и в середине 1920-х годов городское

население здесь было в первую очередь русское. Национальной прослойки в городах в пределах Урало-Поволжской историко-этнографической области почти не было.

Развитие культуры также опиралось на существенные сдвиги в экономике и сфере социальной жизни. Изменение социальных отношений повлекло за собой расширение социальных функций языка, создание различных институтов, обеспечивающих формирование и функционирование культуры (книжные издательства, органы периодической печати, массовой информации, театры, библиотеки, клубы, школьное образование с использованием местных национальных языков).

Развитие социо-культурных параметров этносов в большинстве случаев привело к тому, что ряд народов финно-угорской языковой семьи трансформировался в этносоциальную общность более высокого таксономического уровня — современные социалистические нации.

4. Интересно также отметить, что отдельные финно-угорские народы по-разному проходили путь своего превращения в социалистические нации. Лишь один народ этой группы — эстонцы (как и другие народы Прибалтийского региона — латыши и литовцы) — еще во второй половине XIX в. сформировался в нацию капиталистического типа. В тот же период оформился общенациональный литературный язык, заменив североэстонский и южноэстонский письменные языки. К моменту воссоединения с Советским Союзом в 1940 г. эстонцы уже имели собственную высокую профессиональную культуру, национальную интеллигенцию, сложившийся рабочий класс — несмотря на общий аграрный характер экономики того времени во всем Прибалтийском регионе. Народы же Северного и Поволжского регионов — удмурты, марийцы, мордва, коми-зыряне — сложились в нации лишь после Октябрьской революции, практически минуя стадию капиталистического развития. Такое исторически обусловленное различие в протекании этносоциальных процессов не могло не сказаться и на том, как проявлялась в разных случаях тенденция внутриэтнической консолидации. Нет сомнения в том, что у разных народов она реализуется в неодинаковой степени. И если внутри эстонского этноса региональные особенности стали постепенно утрачивать свое значение уже в конце XIX в., то для мордвы, удмуртов, коми-зырян, марийцев начало аналогичного процесса приходится на 1920—1930-е годы. Но процесс консолидации в силу исторически сложившихся особенностей у каждого народа протекал различно. Современные массовые этнографические обследования выявляют неодинаковую степень развития этноконсолидационных процессов и отражения их в самосознании этносов. Так, среди удмуртов, проживающих в Удмуртской АССР, лишь ничтожная доля опрошенных помнит о своей принадлежности к субэтническим образованиям в составе удмуртского этноса (калмез, ватка, бесермяне и т. п.). Иная картина выявлена при обследовании мордвы. Среди сельского мордовского населения преобладает мнение (свыше чем у половины респондентов), что эрзя и мокша являются отдельными этническими единицами; горожане мордовской национальности (также более половины), напротив, считают, что эрзя и мокша вместе составляют единый мордовский народ. Очевидно, что этническая консолидация мордвы имеет место, однако о завершенности этого процесса говорить преждевременно. Конечно, и у эстонцев в период после восстановления Советской власти в определенной мере продолжались процессы внутренней консолидации. В частности, общий рост образовательного уровня, распространение средств массовой информации ведут к сглаживанию диалектных различий в эстонском языке. Незначительны в наши дни этнографические отличия локального характера у эстонского сельского населения, это относится даже к группе сету. Но следует от-

метить, что процесс внутренней консолидации происходит не столько за счет выработки нивелированных форм традиционной культуры, сколько путем распространения ее т. н. городских форм — широкого вхождения в быт товаров массового производства в области материальной культуры.

В этой связи нельзя не упомянуть о том, что за годы Советской власти Эстония превратилась в республику с наивысшим по Советскому Союзу показателем городского населения — оно составляет 70% общей численности жителей ЭССР (в Латвии — 68%, в Литве — 61%).

5. Современные этнокультурные процессы, наблюдаемые у финно-угорских народов, могут проявляться в различных формах и затрагивать разные стороны жизни этносов. Любопытно отметить, что казалось бы одинаковые тенденции, проявляющиеся у народов, проживающих в разных историко-этнографических областях, далеко не всегда определяются одними и теми же причинами. Так, лабильный тип этнодемографического воспроизводства, присущий в настоящее время эстонцам, мордве и карелам, в каждом конкретном случае объясняется специфическим сочетанием причин. У эстонцев это связано с общей для Прибалтийского региона низкой рождаемостью — размер семьи здесь ниже общесоюзного (3,5) (в Эстонии и Латвии — 3,1 человека, в Литве — 3,3 человека). Что же касается карел и мордвы — это результаты интенсивно протекающих межэтнических взаимодействий.

К числу общих тенденций этнических процессов можно отнести сравнительно быстрый рост двуязычия, числа этнически смешанных браков. Однако их реализация имеет свои особенности в каждом регионе. В зоне Прибалтики среди эстонцев доля двуязычия приближается к 1/4 (у литовцев — 52,1%, у латышей 56,7%), в Урало-Поволжье двуязычие охватывает около 2/3 мордвы, марийцев и удмуртов (как и башкир, чувашей и татар), а в зоне Европейского Севера она различна — у коми двуязычны 68,4% населения, у карел — 61,3%. Сходные тенденции обнаруживаются в этих регионах и при рассмотрении уровней межнациональной брачности.

6. Интересно отметить, что современная общая тенденция ко все более дисперсному расселению этносов выражена у рассматриваемых народов с неодинаковой степенью интенсивности. В наибольшей мере она свойственна мордве, в наименьшей — эстонцам. С механической подвижностью населения связано также изменение этнических территорий. И в этом случае мы можем наблюдать неодинаковые тенденции. Так, этническая территория вепсов заметно сократилась, что обусловлено переселением вепсов в города Ленинградской области и Карельской АССР, а также их частичной ассимиляцией окружающим русским населением. Наряду с этим изменения областей расселения хантов и манси характеризуются тенденцией к расширению этнических территорий и связаны преимущественно с хозяйственно-промысловым освоением новых угодий.

Здесь уместно коснуться еще одного существенного вопроса, а именно вопроса о влиянии совершенствования технического оснащения различных отраслей хозяйственной деятельности на изменения в области этнического своеобразия. С одной стороны, ясно, что внедрение унифицированной техники, созданной промышленностью, способствует утрате этноспецифических черт в хозяйственных занятиях отдельных народов. Однако, с другой стороны, можно констатировать, что тенденция к региональной хозяйственной специализации в ряде случаев может быть поставлена в связь с местными этническими особенностями. Анализ статистических материалов показывает, кроме того, что могут быть

выделены «более этнические» или «менее этнические» отрасли народного хозяйства в республиках. Так, «наиболее этничным» для коренного населения Урало-Поволжской историко-культурной области является сельское хозяйство. Это прослеживается почти у всех народов, но вместе с тем для северного региона — у коми-зырян, карел, вепсов — одной из «наиболее этничных» отраслей хозяйства до сих пор остается лесная промышленность. Можно, далее, говорить об оленеводстве в качестве этнически специфического занятия для саамов и ижемских коми, о промысловом рыболовстве и его этноспецифической роли для хантов и манси и т. п.

7. Одна из характерных черт современных этнокультурных процессов у народов Советского Союза — противоречивое взаимодействие культурных традиций и новаций. Это определяется не только экономико-социальными факторами, но и этнопсихологическими. Приведем несколько примеров из области наиболее устойчивых явлений народной материальной культуры — одежды и пищи.

Народы финно-угорской языковой семьи в своем большинстве уже не носят традиционную народную одежду. Вместе с тем было бы неверно считать, что она просто «исчезла», вытеснена из употребления вообще. В восточных регионах расселения рассматриваемых народов традиционная одежда, в сильно изменившейся по сравнению с дореволюционным периодом форме, в известной мере бытует, преимущественно в сельской местности. Так, около 30% удмуртов — жителей сельской местности и около 3% удмуртов-горожан в той или иной мере пользуются традиционными типами одежды. Очень близкие по значению характеристики получены также при обследовании мордвы. Больше того, анализ динамических тенденций по возрастным когортам свидетельствует о том, что в молодых группах этнофоров намечается (правда, не слишком сильная) тенденция к рекультурации. Эта тенденция в ряде случаев учитывается предприятиями местной промышленности и бытового обслуживания. В Марийской АССР в этом смысле накоплен положительный опыт: заказчики, желающие изготовить одежду из дмотканых тканей или же традиционного покроя, имеют возможность это сделать в соответствующих ателье.

В Прибалтийском регионе народные формы одежды стали выходить из употребления еще в середине прошлого века. Однако традиционный народный костюм с его разнообразием локальных вариантов сохранился как праздничный, который носят в первую очередь участники народных хоров, оркестров, танцевальных ансамблей, он используется и в других торжественных случаях. Многие стремятся иметь такой костюм, и обладанием им владелец всегда гордится. В Эстонии, как в Латвии и Литве, можно заказать себе народную одежду через художественные комбинаты и артели. При этом (в отличие от марийцев и мордвы) здесь изготовляют точные копии старинной одежды, образцов первой половины прошлого века.

Несколько иные тенденции наблюдаются в области традиционной пищи. В советскую эпоху пища стала не только более калорийной, но и более разнообразной (главным образом за счет заимствования национальных блюд других народов СССР и общеевропейской кухни, а также за счет продуктов пищевой промышленности). И тем не менее можно считать весьма выразительным фактом то, что 98% сельских жителей мордовской национальности и 94% удмуртов в той или иной мере сохраняют приверженность традиционным национальным кушаньям; соответствующие показатели по городскому населению составляют 70% и 45%. Характерно, что в Прибалтике, во всех трех ее республиках и в том числе и в Эстонии, устойчиво сохраняется обычай приготовления нацио-

нальных блюд в праздники, они входят в меню ресторанов, некоторые (в частности, кровяные колбасы и колобки) изготавливаются пищевой промышленностью. Много традиционных приемов в приготовлении пищи, наборе блюд, выборе исходных продуктов отличают кухню эстонцев и в наши дни.

Не останавливаясь на других сторонах материальной культуры, следует все же упомянуть, что несмотря на абсолютное господство товаров массового потребления в домашнем быту, в частности, в интерьере не только сельских, но и городских жилищ можно видеть немало специфических черт, которые носят этнокультурный характер и отличаются по регионам. У народов Прибалтики особенно характерно использование в интерьере изделий местной промышленности и художественных комбинатов, воспроизводящих старинные формы обстановки и убранства или их стилизованные образцы: тканые одеяла, ковры, дорожки, стулья, табуреты, деревянную утварь, корзины, коробки, даже прялки, не имеющие утилитарного назначения — все это используется в интерьере и служит символом национальной идентификации.

Что касается изменений в сфере духовной культуры народов финно-угорской языковой семьи, то у них, как и у всех народов СССР, прослеживаются две тенденции: развитие духовной культуры в национальных формах, с одной стороны, ее все большей интернационализации, с другой. При этом первая тенденция выражается в известной мере в рекултурации, т. е. в воспроизведении фольклорных элементов в формах профессиональной духовной культуры (такие элементы культуры иногда называют вторичными). Вместе с тем указанная тенденция проявляется в складывании современной профессиональной культуры в таких ее формах, какие не были известны у этих народов — за исключением эстонцев — в дореволюционное время. Становление профессиональной литературы, национального театра и драматургии, появление и развитие изобразительного искусства, издательского дела и прессы, системы народного образования, различных отраслей гуманитарных наук, появление слоя творческой интеллигенции, короче говоря, складывание художественных и гуманитарных национальных культур — вот те факты, которые имеют первостепенное значение в современной жизни этих этносов.

За годы Советской власти у всех народов СССР, в том числе рассматриваемых нами, произошло как увеличение общего фонда художественных произведений, так и рост масштабов потребления произведений искусств, расширение диапазона духовных запросов трудящихся. При этом распространение профессиональной художественной культуры среди народов могло быть достигнуто лишь на основе преимущественного ее развития в национальных формах. Существенно учитывать и то, что в своей совокупности деятели профессиональной культуры каждой этнической общности в той или иной мере формируют новые черты самобытного облика этой культуры, способствуют возникновению в ней новых специфических традиций. Несмотря на активный межнациональный обмен, многие из тех компонентов культуры, которые приобретают интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах.

В то же время именно в профессиональных формах культуры тенденция интернационализма — межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно и имеет наибольшее значение для дальнейшего развития художественной культуры народов СССР. Это особенно важно иметь в виду, поскольку в общем культурном

фонде советских людей основное место занимают профессиональные формы.

В целом для развития современной культуры народов нашей страны, в том числе и финно-угорских народов, несомненно доминирующий характер объединительной, интегрирующей тенденции. Важнейшее, все возрастающее значение в этом отношении принадлежит бурно развивающимся в эпоху научно-технической революции средствам массовой информации — прессе, радио, телевидению и т. д.

Особую роль в сближении культуры народов нашей страны играет научное планирование ее развития. Оно охватывает не только создание, но и распространение и потребление духовных ценностей.

8. Характеризуя в целом процесс этнокультурного сближения народов нашей страны, представляется вместе с тем существенным подчеркнуть, что тот или иной элемент, та или иная специфическая черта национальной культуры, становясь достоянием других народов, от этого отнюдь не перестают оставаться национальными. В то же время восприятие подлинных духовных ценностей другого народа означает дальнейшее обогащение данной национальной культуры. Любая же изоляция от культуры других народов неизбежно чревата отставанием от общего культурного развития человечества. Каждая нация, даже при наличии собственного развитого фонда культуры, лишь выигрывает от культурных контактов. И это является важнейшей объективной предпосылкой дальнейшего сближения культур народов нашей страны, а соответственно усиления единства советского народа.

В ходе взаимообогащения духовных культур народов нашей страны складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропониимикой и т. п.

Следует учитывать и то, что формирование общесоветской культуры сопровождалось возникновением общесоветских форм ее организации (система всесоюзного радио и телевидения, центральной печати и книгоиздания и т. д.). Советские социалистические нации и народности сближаются также благодаря общей системе просвещения, всесоюзной системе подготовки кадров специалистов, общей системе медицинских учреждений и учреждений культуры, деятельности всесоюзных творческих союзов и др.

Общесоветская духовная культура — это общая система усвоения и передачи не только достижений отдельных советских наций, но и достижений современной мировой культуры, прежде всего культуры дружественных социалистических государств (главным образом через посредство русского языка или шире — русскоязычной культуры). Эта общая культура — один из важнейших компонентов новой исторической общности — советского народа.

Одним словом, важнейшая сторона этнокультурных процессов в нашей стране, в том числе и народов финно-угорской языковой семьи, — их все большее сближение в масштабах всей полиэтнической страны.

Двуединный процесс развития и сближения этносов-народов СССР проявляется также в сфере социальной психологии, общественного сознания. Происходит одновременное усиление как национального самосознания, так и сознания принадлежности к советскому народу, общесоветского патриотизма.